

ДИСПОЗИЦИЯ «ВЛАСТЬ-СОПРОТИВЛЕНИЕ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ.

А.В. Скиперских
Доктор политических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
НИУ «Высшая школа экономики» - Пермь
AVSkiperskikh@hse.ru

DISPOSITION "POWER - RESISTANCE" IN THE POLITICAL PROCESS: THEORETICAL UNDERSTANDING.

Аннотация

Политический процесс можно понимать как взаимодействие между властью и сопротивлением за право присутствия в политическом дискурсе и определения его повестки. Данное взаимодействие осуществляется с различным успехом, как для власти, так и сопротивления, в равной степени претендующих на ресурсы.

Развитие политического процесса показывает, что может происходить постоянная смена диспозиции «власть – сопротивление», что говорит о динамическом характере самой политики и свидетельствует об изменчивости политического ландшафта.

Ключевые слова: власть, дискурс, сопротивление, оппозиция, политический процесс, политический режим.

Abstract

The political process is as an interaction between power and resistance for the right to the presence in the political discourse and determine its agenda. This reaction is carried out with varying degrees of success, both for power and resistance equally competing for resources.

The development of the political process shows that the constant change can occur disposition "power - resistance", indicating that the dynamic nature of the policy and demonstrates the variability of the political landscape.

Keywords: power, discourse, resistance, opposition, political process, political regime.

Присутствие отношений власти в историческом и политическом процессе не подвергается сомнению. Социальные и политические изменения осуществляются под воздействием политической воли. В этом смысле, власть является объективной и её присутствие всюду не вызывает сомнения. Показательно, что всепроникающий характер власти сказывается не только на политическом дискурсе. Как метко заметил Р. Барт, «власть гнездится в любом дискурсе, даже если он рождён в сфере безвластия» [1, с. 547].

Целостность политики представляется невозможной, не будь у власти диалектической оппозиции. Отношения власти, не подвергающиеся сомнению, приводят к собственному вырождению, потому как в этом отсутствует развитие. В этом смысле, целостность политического процесса, представляющего собой взаимодействие политических акторов по поводу отношений власти, обеспечивается присутствием рядом с властью её диалектического двойника, её неустанной тени – сопротивления.

Невозможно представить, что власть может существовать без сопротивления, и, наоборот, сопротивление может иметь смысл в тот момент, когда его субъект не чувствует на своём теле принуждения. Власть не может не сталкиваться с ситуациями, когда на её пути, вдруг, оказывается субъект, «говорящий нет». «Раб, всю жизнь повиновавшийся господским распоряжениям, неожиданно считает последнее из них неприемлемым», - так глубоко определяет трагизм отношения власти и сопротивления А. Камю в «Бунтующем человеке» [2]. Ему вторит М. Фуко в своём эссе «Восставать бесполезно?», считающий, что история как раз и творится бунтующим человеком, проникающим в неё, человеком, который и «оживляет её своим дыханием» [3, с. 16].

Подобная динамика способна подвергать постоянным изменениям саму диспозицию «власть – сопротивление». Поэтому, отношения в данной оппозиции не всегда следует определять как складывающиеся в пользу правящего политического актора, использующего власть по отношению к оппозиционному политическому актору.

В современной политической практике (как и в глубоком прошлом) есть место различным форматам отношений в рамках указанной диспозиции, начиная от практик, когда власть доминирует над сопротивлением, и, заканчивая ситуациями, когда сопротивление оказывается сильнее власти. Вместе с тем, могут существовать и ситуации вынужденного затишья, представляющие собой отношения между властью и сопротивлением, представленные в формате пакта.

Таким образом, следует выделить 3 сценария, в соответствии с которыми может складываться диспозиция «власть – сопротивление».

Назовём их следующим образом:

Сценарий 1. Власть подавляет сопротивление.

Сценарий 2. Сопротивление подавляет власть.

Сценарий 3. Тактический «пакт».

Сценарий 1 является наиболее распространённым, и предполагает, что власть обладает большими ресурсами, позволяющими ей подавлять сопротивление. Отношения в диспозиции «власть – сопротивление» складываются в пользу власти.

Подобная конъюнктура во многом создаёт соответствующие образы, как власти, так и сопротивления. Власть будет стремиться к тотализации собственного присутствия в политическом дискурсе, сопротивление же, наоборот, будет исключаться из него.

Данный сценарий предполагает, что отсутствие в обществе сомнения в справедливости существующего порядка означает отсутствие каких-либо попыток актуализации протестных запросов. Публично выражать своё мнение в обществе бывает не принято. Если и могут существовать какие-либо пространства для выражения собственного мнения, то это будет либо очень камерное и узкое пространство, либо предельно близкая компания. Вспомним строки одного из стихотворений О. Мандельштама, написанного в 1931 году [4, с. 152]:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Общество выглядит настолько молчаливым и нерефлекторным, что власть сама определяет, какова может быть глубина тотализации политического дискурса. И. Берлин, говоря о тоталитарном обществе применительно к России, назвал эту удивительную черту – «молчанием культуры» [5, с. 122 - 133].

Общество тотализируется властью настолько, насколько это необходимо самой власти, которая, по мнению немецкого философа Ю. Хабермаса и определяет «горизонт интерпретаций» [6, с. 364 - 365].

Вся бесперспективность конструктивного и равного диалога власти и оппозиции характеризует политические ситуации, складывающиеся в авторитарных и тоталитарных политических режимах. Именно в них мы видим сильные институты власти и практически невыразительное сопротивление. Институты гражданского общества в подобных системах практически отсутствуют. А если они и существуют, то чрезвычайно ограничено, являясь псевдодемократическими, декоративными конструкциями. Если говорить о российской политической практике, то данные институты зачастую срастаются с властью, являясь её продолжением, дублируют её функции, а в случае необходимости, выступают и в качестве её услуги (региональные и муниципальные Общественные палаты, молодёжные парламенты, молодёжные правительства, волонтерские организации, площадки федеральных и региональных патриотических форумов).

Легитимность власти уже не кажется данностью и вечным, врождённым признаком той или иной правящей элиты. Легитимность начинает периодически оспариваться – это правило распространяется на все типы политических систем. Как мы видим, сомнение в справедливости безусловных притязаний власти на политический дискурс охватывают даже монархические системы, где, казалось бы, общество готово признавать смыслы безусловной природы монаршей власти, транслируя их другим поколениям. Ярким примером может быть революция в Иране в 1979 г., или череда протестов и переворотов в некоторых государствах Северной Африки и Ближнего Востока в 2010 г., получивших название «арабской весны».

Сценарий 2 предполагает, что власть оказывается слабее сопротивления. Оппозиция превосходит власть в ресурсах, и у власти нет возможности оказывать адекватное давление на неё. В подобные моменты, общественные симпатии оказываются на стороне оппозиции и власть уже не может заручиться общественной поддержкой.

Вероятность смены власти на кого-либо из представителей сопротивления существенно повышается в условиях политических и экономических кризисов. Оппозиция очень чутко реагирует на неэффективную политику правящей элиты. Самая уязвимая позиция власти – время политических и экономических кризисов, когда власть реально не может удовлетворить общественные ожидания, которые, в свою очередь, постоянно повышаются. Безусловно, в периоды глобальных экономических кризисов, в условиях очень зависимых друг от друга экономик, смены власти происходят всё чаще. Оппозиция часто сменяет власть, но и сама оказывается заложницей не очень стабильной политической и экономической конъюнктуры.

Нужно отметить, что в демократических системах смена власти не означает, что после процедуры выборов правящая элита может расслабиться, и позволить себе некую передышку, предвкушая длинный политический цикл. Наоборот, новая элита оказывается в ситуации, когда против неё запускается полноценный информационный, экономический, и социальный ресурс. Моментально появляются недовольные новой властью, несмотря на определённый запас доверия к ней. Начинают работать оппозиционные СМИ. Новая элита сразу же попадет в фокус критики представителей бывшей правящей элиты, ушедшей в оппозицию.

Опыт сопротивления власти наделяет слабую сторону довольно сильными рычагами давления на власть. Правило демократии требует, чтобы власть не закукливалась и не теряла своей публичности и прозрачности.

На наш взгляд, следует признать, что возможность использования силы сопротивления нарастает по горизонтальной оси - с Востока на Запад, и по вертикальной - с Юга на Север. Так постепенно в арсенале оппозиционных акторов появились такие серьёзные рычаги влияния на президента как импичмент и вотум недоверия правительству, право на оппозицию и т. д. Все эти формы лишней раз подтверждают существование в западной политической традиции полноценного

института сопротивления, проверенного временем и соответствующей политической и правовой практикой.

Ещё одним подтверждением справедливости нарастания демократии с Востока на Запад может служить опыт США. Как однажды заметит Ц. Тодоров, «в одной из британской колонии группа людей делает из этих рассуждений соответствующие выводы и провозгласит своё право самим свободно выбирать правительство: так родилась первая современная республика» [7, с. 34].

Чем дальше на Запад, тем более справедливой выглядит мысль итальянского религиозного философа А. Сколы, концентрирующая в себе западное понимание власти как таковой. «Политическая и государственная власть не священны и, следовательно, не обладают неограниченным могуществом» [8, с. 26].

На наш взгляд показательно, что подобное установление является частью правового и этического дискурса европейских государств. Ощущение хрупкости политической и государственной власти, их шаткости (в смысле присутствия у власти определённого состава политиков) в значительной степени определяет традицию последующего ощущения и понимания политической конструкции. Как отмечает Ю. Хабермас, «определённое самопонимание моральных личностей, осознающих свою принадлежность к моральной общности» [6, с. 92] само по себе является определённым условием справедливого отношения.

Ситуация, когда власть (какой бы успешной она не была) оказывается заложником у сильной оппозиции, является важным мотивирующим началом для самой власти. Правящая элита будет вынуждена много работать, будучи заинтересованной в позитивных изменениях, чтобы оправдать общественные ожидания и несколько дискредитировать саму оппозицию, излишне концентрирующуюся на критике.

Сценарий 3 предполагает, что сопротивление может говорить на равных с властью. При этом и власть пытается говорить с сопротивлением на равных, максимально учитывая его интересы и ожидания.

Периодически в политическом процессе могут возникать ситуации, когда сопротивление постепенно приобретает необходимые ресурсы, позволяющие говорить с правящей элитой на равных, и даже диктовать ей свои условия

(вооружённый конфликт на Юго-Востоке Украины, когда сепаратистские группы фактически говорят на равных с Киевом, и Киев вынужден вести диалог с ними, несмотря на нежелание легитимировать сформированные там институты власти).

Данный сценарий свидетельствует о том, что диспозиция власть – сопротивление не является предпочтительной в отношении власти, и, скорее, наоборот, существуют видимые предпосылки к тому, что ситуация может в любой момент измениться в пользу оппозиции.

Для срабатывания подобного сценария необходимы определённые условия. В частности, необходимо наличие демократического режима, позволяющего легко обновлять власть в рамках смены электоральных циклов. Существующие нормы закрепляют право оппозиции соискать власть, чем она периодически и пользуется. Даже если власть и хочет подавить оппозицию, это не всегда может иметь успех, потому как власть бывает связана довольно жёсткими предписаниями и схемами, которые сложно преступить. Правящая элита может стать заложником и некоей демократической этики, предполагающей, что оппонентов необходимо выслушивать, что с ними необходимо вести диалог.

Конечно, максимально экономным вариантом может быть устранение оппозиции как таковой, но не всегда власть решается на это. Позволить себе подобные методы могут только те режимы, что испытывают авторитарную, либо тоталитарную динамику. Стремление надавить на конкурентов может быть замаскировано под благовидными предложениями. В различных политических системах политический дискурс по-своему определяет национальные версии «охоты на ведьм». Это могут быть и прямые репрессии (внутрипартийная борьба за власть в СССР при И. Сталине), этнический геноцид (война в Руанде), люстрация политиков, принадлежащих к прежней элите (опыт посткоммунистической Польши и намерения повторить польский опыт в современной Украине), постепенное дистанцирование конкурентов (Кыргызстан при К. Бакиеве). Устранение конкурентов может предполагать и институциональные ограничения. Например, вплоть до запрещения деятельности политических партий, так или иначе связанных с национальными травмами (Венгрия, Румыния, Италия), либо создание системы фильтров, существенно затрудняющих политическую легитимацию конкурентов.

Но, субъекты при этом понимают, что вынуждены считаться друг с другом, и существующая полифония мнения и позиций есть демократическое достижение, потому как «жизнь гражданского общества требует постоянного и взаимного признания различий со стороны субъектов, постоянно взаимодействующих между собой» [7, с. 17].

Правда, подобный сценарий может актуализироваться не только при демократическом режиме. Нарастающая конфликтность может подготовить почву для смен власти и применительно к авторитарному и тоталитарному режимам. Многочисленные примеры распада диктатур и образования на их обломках новых демократических институтов свидетельствуют об этом.

Смена власти является испытанием для политической системы. Вопрос заключается в том, насколько новая элита, пришедшая к власти, будет следовать взятому курсу на авторитаризацию/демократизацию политической системы. Сохранение определённой преемственности, при которой власть может отчуждаться и переходить от элиты к элите, безусловно, будет предполагать наличие определённых базовых основ демократии. Наоборот, пришедшая к власти оппозиция может взять курс на авторитаризацию, выбрав путь «закручивания гаек», что будет означать авторитарный дрейф и попытку устранения с политического поля своих основных конкурентов.

Представленные сценарии показывают, что политический процесс нужно представлять в постоянной смене диспозиции власти и сопротивления. Баланс сил может постоянно меняться, что оказывает существенное влияние на политическую повестку, делая её разнообразной и непредсказуемой.

Опыт противостояния власти и сопротивления не является универсальным и варьируется в зависимости от доминирующего типа политического режима, и связанного с ней типа политической культуры, что и сказывается на формате диспозиции «власть – сопротивление».

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс. Универс, 1989. – 615 с.
2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

3. Фуко М. Восставить бесполезно? (пер. с фр. В. Акуловой и Д. Потёмкина) // Неприкосновенный запас. 2011. № 5 (79). - С. 16 - 20.
4. Мандельштам О. Э. Стихи. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1991. – 381 с.
5. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 544 с.
6. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории (пер. с нем. Ю.С. Медведева). – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.
7. Годоров Ц. Дух Просвещения. – М.: Московская школа политических исследований, 2010. – 120 с.
8. Скола А. Христиане в обществе различий. – М.: Духовная библиотека, 2013. – 182 с.